

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

МЕСТО ПОНЯТИЙ «ВИНА» И «ГРЕХ» В КАРТИНЕ МИРА ДРЕВНИХ СЛАВЯН (ОПЫТ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ИДЕЙ НА ОСНОВАНИИ ЯЗЫКОВЫХ ДАННЫХ)

Протоиерей Олег Корытко

кандидат богословия

доцент кафедры богословия Московской духовной академии

доцент кафедры церковной истории Сретенской духовной
академии

107031, г. Москва, ул. Большая Лубянка, д. 19, стр. 3

priest@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0812-4350>

Для цитирования: *Корытко О. В., прот.* Место понятий «вина» и «грех» в картине мира древних славян (опыт историко-культурной реконструкции идей на основании языковых данных) // Богословский вестник. 2021. № 3 (42). С. 272–287. DOI: 10.31802/GB.2021.3.41.015

Аннотация

УДК 21

В статье рассматриваются особенности восприятия категорий «вины» и «греха» в контексте мировоззрения славян дохристианской эпохи. Лингвистическая реконструкция, привлечение диалектных данных, религиоведческий анализ близких понятий позволяют сделать вывод о том, что первоначальное использование лексемы «вина», скорее всего, осмыслялось в правовом ключе и было связано с восстановлением порядка и возмещением причинённого ущерба. В статье установлена архаическая связь категории греха как нравственной ошибки с идеей кривизны и промаха, которая обнаруживает

себя при сопоставлении данных славянских и балтийских языков, а также в типологическом анализе схожих моделей переноса значений в ряде древних языков. Автор указывает на наличие архаического восприятия этих двух важнейших для религиозного мирозерцания категорий, в том числе, и в современной народной жизни. Кроме того, в статье утверждается, что, благодаря переводческой и — шире — созидательной, «инженерной» лингвистической деятельности святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, традиционные для славянского языка понятия «грех» и «вина» получили более глубокое осмысление и были обогащены религиозным содержанием. Данное обстоятельство служит одним из примеров, демонстрирующих специфику русской православной религиозности.

Ключевые слова: русская религиозность, архаические представления, религиозные идеи, славяне, грех, вина, нравственные ценности.

Со времени выхода в свет в далёком 1917 г. знаменитого труда «Das Heilige» («Священное»)¹ немецкого теолога, религиоведа и одного из первых исследователей в области феноменологии религии Рудольфа Отто, пытавшегося выявить наиболее существенное свойство религиозности, самую значимую категорию для понимания религии как феномена человеческого бытия, именно наличие категории священного, сакрального в человеческом сознании воспринимается в академическом сообществе как атрибут всякой религиозности.

В каком-то смысле продолжателем подобного подхода стал один из самых титулованных религиоведов XX в. М. Элиаде. В первой же главе своего классического труда по феноменологии религий он, пытаясь указать сущностное свойство религиозного мироощущения, вполне справедливо отмечает, что «определения религии имеют одну общую черту: каждое из них по-своему противопоставляет сакральное и религиозную жизнь профанному и жизни мирской»². К данной теме М. Элиаде неоднократно возвращался в своих трудах. Показательно в этом отношении название одной из его самых известных работ — «Le sacré et le profane» («Священное и мирское»)³.

В русском языке семантически близким к понятию «священный» является понятие «святой». Антиномичность категориального восприятия действительности, задаваемая религиозным мировоззрением, столь явственно обнаруживаемая в противопоставлении сакрального и профанного, неминуемо приводит к ещё одной очевидной оппозиции: святости и греха, а также связанного с последним понятия вины. В каком-то смысле эти две категории, отталкиваясь от категории священности/святости смыкаются с понятием мирского. Закономерным развитием подобной логики становится отождествление на уровне бытового словоупотребления понятий «мирской» и «грешный». Если для представителей западного христианства, во многом в связи с историческим феноменом Реформации, святость, образно говоря, широко растеклась по обществу, лишив церковные институты соответствующей монополии, то для носителей русской православной бытовой религиозности словосочетание «мирянская святость» звучит едва ли не как оксюморон.

1 Русское издание данного труда: *Отто Р.* Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / пер. с нем. яз. А. М. Руткевич. СПб., 2008.

2 *Элиаде М.* Трактат по истории религий. СПб., 1999. Т. 1. С. 28.

3 См., например: *Элиаде М.* Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. М., 1994.

Соответственно, понятие «мирянин» часто воспринимается в православной среде, особенно клерикально настроенной, как синоним слова «грешник», как тот, кто *невежда в Законе* (Ин. 7, 49), который достоин того, чтобы «сказали ему в ответ: “Во грехах ты весь родился, и ты ли нас учишь?” — и выгнали его вон» (Ин. 9, 34).

Всё сказанное с очевидностью ставит вопрос о необходимости выявления специфически русского или даже шире — архаического славянского наполнения таких конституирующих для религиозного сознания понятий, как «грех» и «вина». Только при ясном понимании их содержания обнаруживается «смысловой фон», на контрасте с которым возможно говорить о специфичности восприятия святости в контексте русской православной религиозности. Это, хотелось бы надеяться, должно стать следующим шагом исследовательской работы.

Пока же скажем, что в современном русском языке слово «грех» обладает заметным религиозным акцентом, что, впрочем, не исключает его внерелигиозного контекстного употребления. В то же время лексема «вина» имеет гораздо более универсальный характер. Этимология обоих слов не вполне проста, но очевидна историческая глубина их корней, уходящих ещё в дохристианскую эпоху.

В процессе христианизации славянских народов эти слова были насыщены новыми религиозными смыслами. Собственно говоря, ключевым в этом процессе стал подвиг равноапостольных просветителей славян. Переводческая деятельность святых солунских братьев Кирилла и Мефодия чрезвычайно обогатила славянский язык, дав ему не только огромное количество новых слов (за счёт заимствований и поморфемного калькирования греческих терминов и понятий)⁴, но и инициировав переосмысление исконной славянской лексики в рамках новой религиозной парадигмы мышления. Одним из таких ярких примеров и является история славянских слов «вина» и «грех», которые были насыщены христианскими идеями и смыслами.

В классическом труде «Индоевропейский этимологический словарь», составленном Ю. Покорным и содержащем более двух тысяч древних индоевропейских лексем, реконструируется и.-е. форма **agos-* со значением «ошибка, вина, грех», имевшим, очевидно, изначальную

4 Подробнее см.: *Верещагин Е. М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997.

связь с категорией материального ущерба, урона и причинения вреда⁵. Американские исследователи Дж. Мэллори и Д. Адамс в масштабном оксфордском труде по реконструкции индоевропейской культуры, восстанавливая слово с учётом таких ларингалов, как **h_aēgos*, отмечают, что оно могло иметь также и значение «стыда»⁶. Этот древний и.-е. корень вошёл в ряд языков и сохранился, в частности, в санскр. *āgas* «вина, грех», греч. *ἄγος* «вина, скверна» (в греческо-русском словаре А. Д. Вейсмана также содержится пояснение, что речь идёт об особо тяжком грехе, требующем очищения, например, об убийстве или нарушении священных обрядов)⁷, а также англ. *ache* «боль» и др.

Всё же в большинстве языков этот древний корень был утрачен. Но важнейшая религиозная категория⁸, которую он передавал, сохранилась и нашла выражение через самобытные языковые средства зарождавшихся новых региональных культур. Так, на славянской почве оформилась в виде понятий *вины* и *греха*, в частности, категория «преступления против порядка». Какие же смыслы и идеи мы можем обнаружить в этих словах?

Категория *вины* в мировоззрении славян

Академик А. А. Зализняк⁹ указывает на то, что в отношении происхождения слова *вина* существуют главным образом две версии. Первая версия, поддерживаемая, в частности, Р. Якобсоном, говорит о заимствовании лексемы из иранского **vināh* «вина, проступок, грех» (ср.-иранск. *vināθ*, перс. *gunāh*). Но наибольшее количество сторонников (напр.: А. Мейе, М. Фасмер, О. Гуйер, П. Я. Черных) получила всё-таки вторая версия — о самостоятельном внутриславянском развитии слова из общего и.-е. корня **uēi-/ *uoi-* (в других вариантах транскрипции — **wei(h_x)*-¹⁰).

- 5 *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–3. Bern; München, 1959–1969. Bd. 1. S. 8.
- 6 *Mallory J. P., Adams D. Q.* The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World (Oxford Linguistics). Oxford, 2006. P. 277.
- 7 *Вейсман А. Д.* Греческо-русский словарь. М., 2020. С. 11.
- 8 Подробнее о категориях см.: *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 343–359; *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Ч. 1. С. 800–831.
- 9 *Зализняк А. А.* Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. М., 1962. С. 43.
- 10 *Mallory J. P., Adams D. Q.* The Oxford introduction... P. 518.

Индоевропейский корень **uej-/*uoj-* был тесно связан с идеей преследования и проявления силы¹¹. Среди языковых соответствий, содержащих указанный корень, даются лат. *vīs* («желаешь», а также «сила, мощь, нападение»), лит. *veju* («гнать, изгонять, преследовать»), греч. *ἔμμι* («устремляюсь, спешу»), санскр. *véti* («следует, достигает, гонится») и зап.-тохарск. *wāyā-* («направлять движение, вести»).

В русском языке этот корень находим в таких лексемах, как *воин, война, воевать* и других производных от них словах. «Словарь древнерусского языка», составленный И. И. Срезневским, сообщает, что словом *вои* могли называть либо война, либо собирательно целое войско, рать¹², а одним из употребительных значений *воевати* было «разорять»¹³. П. Я. Черных предполагает связь глагола с охотничьей тематикой, приводя хеттское соответствие *wūyā*, «охотиться»¹⁴, что согласуется с идеей преследования жертвы, которую обнаруживаем на индоевропейском языковом уровне.

Как же славянская *vina* вписывается в этот «воинственный» семантический ряд? Лингвисты признают, что есть некоторые трудности с объяснением *i* в слове. Одним из первых обратил на это внимание В. Ягич, который отмечал, что в результате монофтонгизации дифтонга должен был бы получиться *ē*¹⁵. А. Мейе высказал предположение, что такая вокализация произошла под влиянием глагольных образований на *-nōti / -vinōti*, в которых *vi-* вполне закономерно¹⁶. П. Я. Черных уточняет, что допустимо также и мнение о том, что в древности произошла контаминация омонимичных корней **uej-/*uoj-* «гнаться, стремиться» и **uej-/*uoj-/*ui-* «вить»¹⁷.

Интересные значения находим в древнерусском языке у однокоренных слову *вина* глаголов: *повинути(ся)*, «покориться», *и обинутися* < *обвинутися, «бояться». Из сказанного можно попытаться реконструировать историческое развитие значения слова *вина*, происходившее,

11 Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 3. S. 1123–1124; Mallory J. P., Adams D. Q. The Oxford introduction... P. 402–403, 518.

12 Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. СПб., 1893. Т. I. С. 284–285.

13 Там же. С. 279–280.

14 Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 160.

15 Yagić V. Karl Brugmann und Berthold Delbrück, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen // Archiv für slavische Philologie. 1898. № 20. S. 370.

16 Meillet A. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris, 1902–1905. P. 447.

17 Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. С. 151.

вероятно, следующим образом¹⁸: «преследование» => «результат преследования» => «наказание» / «то, что заслуживает наказания».

Обращает на себя внимание довольно агрессивная «родословная» категории *вины*. Это позволяет предположить, что *вина*, будучи исторически связанной с идеей возмещения ущерба буквальным искуплением нанесённого вреда, в древности в большей степени воспринималась как понятие, относящееся, скорее, к сфере «формально-правовых» отношений, чем к нравственным категориям.

Впрочем, и сегодня в речевом узусе русского человека «статус» извинения всё же ниже, чем просьба о прощении. Извинение предполагает, что извиняющийся предлагает считать нанесённый вред «обнулённым», а долг — погашенным. Извинение — это просьба об избавлении от вины, тогда как прощение является действием, требующим больших нравственных усилий и более глубокой работы над собой как со стороны обидчика, так и со стороны обиженного.

Понятие *греха* и его языковые коннотации

В отличие от *вины* слово «*грех*» является праславянским новообразованием, которое не имеет соответствий в других индоевропейских языках. Но есть параллели в ряде балтийских языков (латыш. *grēks*, прусск. *grīkas*)¹⁹, в которые лексема была, скорее всего, заимствована из славянского. Сразу необходимо сказать, что однозначной и достоверной этимологии у слова нет. Существует несколько версий происхождения.

Одна из версий производит «грех» от глагола «грети» (по модели образования отглагольных существительных: *смеяться* => *смех*, *спети* => *спех*). Данная версия как наиболее вероятная представлена, в частности, в словаре М. Фасмера²⁰. Исходя из этой этимологии, *грех* объясняется как «то, что греет, жжёт совесть». Вместе с тем ряд исследователей справедливо, на наш взгляд, указывают, что данная версия претерпела явное влияние христианских представлений. В частности, авторы «Этимологического словаря славянских языков» (далее — ЭССЯ) отмечают, что, поскольку само понятие «грех» терминологизируется только в христианстве, «можно согласиться с тем, что гипотеза

18 Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. С. 151.

19 См.: Karulis K. *Latviešu Etimologijas Vārdnīca*. 2 vols. Vol. 1. Rīga, 1992. P. 312.

20 Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*: в 4 т. М., 1998. Т. I. С. 456.

о развитии значения “грех” из первоначального “жѣт совѣсть” есть не что иное, как подстановка христианского значения на место первобытного, что невозможно для слова праславянского, т. е. ещё дохристианского»²¹. Не встречает поддержки версия происхождения *грѣха* от *грѣти* и у А. Е. Аникина²².

Более предпочтительной, как полагают авторы ЭССЯ, следует считать версию происхождения от праславянской основы **groj̥-so-* со значением «кривизна, изгиб». На это, в частности, указывает семантика производного *грѣшити* — «не попасть, ошибиться, пропустить», а также «думать неверно», примеры употребления которого приводит, в частности, И. И. Срезневский²³:

— Не грѣшнѣ <не пропускайте> ни одинъ же ночь, аще можете, поклонитѣся до земли (Поучение Владимира Мономаха, 18);

— Бродя грѣшиша <не попали на брод> (Ипатьевская летопись, 6659 г.).

Лишь отчасти соглашаясь с комментарием автора статьи «Грех» в «Православной энциклопедии», указывающего на то, что примеры И. И. Срезневского относятся по большей части к переводной литературе с греческого²⁴, отметим, однако, что с тем же значением слово употреблялось до недавнего времени и в ряде диалектов русского языка. Например, в вологодских говорах начала XX в. встречался такой контекст, в котором слово явно использовано в значении «проходить мимо»: «Я стану рубить эту елишину. Не тронь, она грѣшит (в просеке)»²⁵. Впрочем, и сегодня в лексическом гнезде «грѣха» сохраняются слова со сходным значением: например, *огрѣх* — «пропущенное или плохо обработанное место в поле при пахоте, посеве, уборке и т. п.»²⁶.

Кроме того, ЭССЯ обращает внимание на примечательные примеры в балтийских языках, в которых тот же корень содержит значение **кривизны**: латышск. *grēizs* — «кривой, косой»,

21 Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1980. Вып. 7. С. 115.

22 Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 7 (вершь I – внятъся II). М., 2013. С. 86.

23 Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. I. С. 604.

24 Иванов М. С. Грѣх // ПЭ. 2006. Т. 12. С. 330.

25 Словарь русских народных говоров. Вып. 7 (гона – депеть). Л., 1972. С. 138.

26 Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов; Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. СПб., 2003. С. 699.

лит. *graižas* — «гнутый, скрученный, изогнутый». К этому же ряду относится прусск. *greiwa* — «кривой».

Сложно сказать, в какой именно период развилось значение искривлённости: произошло ли это в дохристианскую эпоху бытия восточных славян, или же случилось под влиянием христианских представлений.

Вместе с тем ЭССЯ²⁷ и А. Е. Аникин²⁸ указывают на **частотность схемы переноса идеи промаха, непопадания в цель на этическую сферу**. Идея физического промаха, спотыкания, падения, отклонения может получить метафорическое осмысление и в нравственной области: в частности, лат. *ressātum* — «прегрешение», «промах», и *ressō* — «совершаю проступок», «спотыкаюсь»; греч. *ἁμαρτία* — «грех, ошибка», «промах», и *ἁμαρτάνω* — «не попадаю, промахиваюсь», «ошибаюсь». Интересно также и употребление др.-инд. *pātaka* и однокоренных ему слов²⁹. Слово, родственное русскому *падать*, встречается в священном тексте индуизма «Шива-пурана» в значении «грех»:

«...без поклонения и щедрых даров от греха (*pātakaṃ*) невозможно защититься. Пока есть признаки греха (*pātakaṃ*) в теле, не нужно ждать достижений»³⁰.

лат.	<i>ressātum</i>	«прегрешение» «промах»	<i>ressō</i>	«совершаю проступок» «спотыкаюсь»	>	и.-е. * <i>rōds</i> «нога» ¹
греч.	<i>ἁμαρτία</i>	«грех, ошибка» «промах»	<i>ἁμαρτάνω</i>	«не попадаю, промахиваюсь» «ошибаюсь»	>	и.-е. * <i>h₂mert-</i> «промахнуться, провалиться» (реконстр. R. Beekes ²)
др.-инд.	<i>pātaka</i> <i>pātana</i>	«грех» «падение, в т. ч. моральное»	<i>pāt</i>	«падение» «грех, слабость»	>	и.-е. * <i>ped-</i> «падать» ⁵

1 Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954. Vol. 2. P. 269.

2 Beekes R. Etymological Dictionary of Greek. Leiden; Boston, 2010. P. 83.

3 Mallory J. P., Adams D. Q. The Oxford Introduction... P. 400–401; 502. Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary. P. 616.

27 Этимологический словарь славянских языков. С. 115.

28 Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 12 (грак I – дбать). М.; СПб.; Новосибирск, 2018. С. 86.

29 Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary. Oxford, 1899. P. 616.

30 The Śiva Purāṇa / engl. transl., ed. by prof. J. L. Shastri. Delhi, 1950. Vol. 1. P. 229. — Пер. авт.

Попутно заметим, что и греческое *ἁμαρτία*, которое стоит в библейских текстах, является, в свою очередь, переводом др.-евр. *חַטָּא* *ḥat-tāṭ*, которое также имеет значения «промах, непопадание в цель» и «грех»³¹.

Итак, как мы видим, отклонение от нормы — будь то сбивание с ровного и твёрдого шага или непопадание в цель — может восприниматься в религиозном ключе как нарушение правильного порядка вещей. По сути, и искривление, кривизна могли получить такое же осмысление на славянской почве. Вспомним хотя бы противопоставление в народном сознании *правды* и *кривды*, в котором идеальному и очевидно прямому пути противостоит путь кривой, неправильный.

Выдающийся отечественный лингвист академик В. Н. Топоров³², разбирая происхождение прусского слова *greiwakaulin*, «ребро» (букв. «кривая кость»), делится интересными размышлениями. Он пишет о том, что сама по себе идея кривизны, реализуемая, в частности, в объектах искривлённой формы, относится к конституирующим религиозным идеям:

«Типологически нередкое гадание по костям, в частности, и по рёбрам... согласуется с сакральностью кривого, согнутого, извилистого»³³.

Сакральность в этом контексте, разумеется, понимается максимально широко как всё, что выходит за рамки обыденного и позволяет человеку выскользнуть из суесть будней, «обогнув» мистическим образом завалы рутинности, с тем чтобы выйти к обретению иного знания и связанного с ним опыта. В этом специфическом употреблении, конечно, сакральность вовсе не равна понятию священного и святого, как они воспринимаются в христианстве и иных авраамических религиозных традициях.

Продолжая мысль об особом отношении древних индоевропейцев к идее кривизны, Топоров в качестве примера приводит интересное сопоставление персонажа Криве-Кривайтиса из балто-славянского фольклора — жреца с кривым посохом, занимающегося гаданием и предсказывающего судьбу, с Аполлоном, вернее, с одним из его эпитетов *Λοξίης*, который буквально означает «извилистый», то есть запутанный в своих вещаниях»³⁴. Но всё же следует признать, что в данном

31 Klein E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the Hebrew Language for Readers of English. Haifa, 1987. P. 213.

32 Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь. М., 1979. Т. 2. С. 299–269.

33 Там же. С. 297.

34 Там же.

случае кривизна используется не в прямом значении, а получила метафорическое толкование, поскольку под «извилистостью» Аполлона имеются в виду трудные для понимания слова, которые от имени бога произносит находящийся в состоянии транса медиум³⁵.

В символическом языке славянской народной культуры кривизна однозначно воспринимается как «знак причастности к миру нечистой силы»³⁶. В мифологии признаками кривого, косоного или хромого наделяются персонажи демонического ряда (черт, леший и др.). Кроме того, немаловажно отметить, что причиной перечисленных выше телесных уродств у человека считается нарушение им установлений не выполнять определённые виды работ, а также труд в запретные, праздничные дни и др.

Примечательно, что человека, который «кривит душой», часто называют лукавым (в корне и этого слова содержится известный мотив искривлённости). В христианской же традиции, лукавым, как известно, именуется дьявол, что, безусловно, можно понимать как отражение универсальных архетипических представлений о связи кривизны с небезупречным нравственным поведением.

Комплексное изучение искривлённости как религиозной идеи и её отражение в разных явлениях духовной культуры — это, без сомнения, предмет отдельного научного изыскания. В рамках же настоящего исследования нам важно показать принципиальную возможность исторической связи идеи кривизны с понятием греха.

В завершение обзора этимологий отдельно следует упомянуть ещё об одной интересной версии, которая сближает *грех* с рядом *греза*, *грезити*. Эта версия, хоть и занимает периферийное положение, интересна тем, что основанием для сближения служит идея ошибки, обмана: ср. др.-русск. *ꙗꙗꙗꙗꙗ* — «ошибка» при *ꙗꙗꙗꙗꙗ* — «смещение» и *ꙗꙗꙗꙗ* — «смущение, смятение; грязь»³⁷. Впрочем, в словарях отмечается, что в этом случае праславянские чередования *s / z* объяснить сложно.

В целом нельзя не отметить большую привлекательность версии об идее «искривлённости», которую могло передавать слово «грех» в дохристианскую эпоху. Особенно привлекательной она выглядит в свете очевидной семантической параллели *ἄμαρτία*, как уже было отмечено

35 Корытко О., *прот.* Homo religiosus: на путях поиска истины. Авторский курс лекций по «Истории нехристианских религий». М., 2017. С. 409.

36 Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2. С. 674.

37 Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. С. 215–216.

выше. В таком случае вполне понятным становится, почему именно это слово было выбрано равноапостольными Кириллом и Мефодием для передачи греческой лексемы.

Выводы

Подводя итог всему сказанному, следует сделать следующее заключение. Семантическое поле греха в дохристианский период было гораздо шире его нынешнего содержания, в значительной степени имеющего религиозное наполнение. В отличие от греха, понятие вины, хотя и может использоваться в религиозном контексте, имеет более широкую мировоззренческую коннотацию и религиозно более нейтрально.

Произошедшим с данными категориями переменами мы обязаны в первую очередь славянским просветителям. Их деятельность отнюдь не сводилась к простому «переложению» слов греческого языка на славянский. Это и невозможно было сделать с учётом состояния последнего на момент проводимой равноапостольными братьями и их учениками работы. Святые Кирилл и Мефодий стали не только создателями азбуки и литературного языка, но и его «конструкторами» и «инженерами смыслов». Даже в настоящем точечном примере с очевидностью явлена их филологическая и духовная гениальность, позволившая выбрать из, как минимум, двух близких терминов именно «грех» в качестве славянского эквивалента греческого *ἁμαρτία*, поскольку он был ближе по своей семантике к выражаемому христианскому понятию, в отличие от «вины», которой мешало до конца вписаться в христианский контекст агрессивное семантическое окружение, нагруженность данного слова социально-правовыми смыслами.

Как бы там ни было, всякий перевод — это соучастие в творчестве, соавторство, совершающееся при помощи словесных инструментов конкретного языка. «Воцерковление» таких категорий, как «вина» и «грех», наряду с демонстрацией гениальности переводчиков, являются вместе с тем и пример сохранения архаических смыслов в словах, прочно вошедших в христианский лексикон. Важно при этом осознавать, что насыщение слова новыми смыслами отнюдь не означает совершенное вытеснение прежнего значения, которое может бытовать не только в секулярном контексте, но и «проноситься контрабандой» в церковную среду, оставаясь выразителем архаических идей, уходящих корнями в глубокое прошлое.

Источники

- Beekes R.* Etymological Dictionary of Greek. Leiden; Boston: Brill, 2010.
- Karulis K.* Latviešu Etimologijas Vārdnīca. 2 vols. Vol. 1. Riga: Avots, 1992.
- Klein E.* A Comprehensive Etymological Dictionary of the Hebrew Language for Readers of English. Haifa: The University of Haifa, 1987.
- Monier-Williams M.* A Sanskrit-English Dictionary. Delhi–Varanasi–Patna. Oxford: The Clarendon Press, 1899.
- Pokorny J.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–3. Bern; München: Francke Verlag, 1959–1969.
- The Śiva Purāna / ed. J. L. Shastri. Vol. 1–4. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers, 1950.
- Walde A.* Lateinisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1954.
- Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 7 (вершь I – вняться II). М.: ИРЯ РАН, 2013.
- Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 12 (грак I – дбать). М.; СПб.; Новосибирск: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН; Нестор-История, 2018.
- Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов; Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. СПб.: Норинт, 2003.
- Вейсман А. Д.* Греческо-русский словарь. [Репринт V-го издания 1899 г.] М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, г2020.
- Кочергина В. А.* Санскритско-русский словарь. М.: Академический проект; Альма Ма-тер, 2005.
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Институт славяноведения РАН; Международные отношения, 1995–2012.
- Словарь русских народных говоров. Вып. 7 (гона–депеть). Л.: Наука, 1972.
- Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. Т. I. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893.
- Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. В 5 т. М.: Наука, 1975–1990.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. I. М.: Терра, 1998.
- Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 2: Панцирь–Ящур. М.: Русский язык, 1999.
- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М.: На-ука, 1974; н. в. Вып. 7 (*golvašь – *gyžati). М., 1980; Вып. 9 (*jъz – *klenъje). М., 1983.

Литература

- Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов / пер. с фр., общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс – Универс, 1995.

- Верещагин Е. М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М.: Мартис, 1997.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. В 2 ч. Тбилиси: Изд. Тбилисского университета, 1984.
- Зализняк А. А.* Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. 1962. Вып. 6. С. 28–47.
- Иванов М. С.* Грех // ПЭ. 2006. Т. 12. С. 330–345.
- Корытко О., прот.* Homo religiosus: на путях поиска истины. Авторский курс лекций по «Истории нехристианских религий». М.: Изд. Сретенского монастыря, 2017.
- Лосский Н. О.* Характер русского народа. Frankfurt am Main: Посев, 1957.
- Отто Р.* Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / пер. с нем. яз. А. М. Руткевич. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского университета, 2008.
- Элиаде М.* Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. М.: МГУ, 1994.
- Элиаде М.* Трактат по истории религий / пер. с фр. А. А. Васильева. СПб.: Алетея, 1999. Т. 1; Т. 2.
- Mallory J. P., Adams D. Q.* The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World (Oxford Linguistics). Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Meillet A.* Études sur l'Étymologie et le Vocabulaire du Vieux Slave. Paris: Librairie Émile Bouillon, 1902–1905.
- Yagić V.* Karl Brugmann und Berthold Delbrück, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen // Archiv für slavische Philologie. 1898. № 20. S. 367–374.

The Place of the Notions «Fault» and «Sin» in the Worldview of the Ancient Slavs (An Experience of Historical-Cultural Reconstruction of Ideas Based on the Linguistic Data)

Archpriest Oleg Korytko

PhD in Theology

Assistant Professor at the Department of Theology

at the Moscow Theological Academy

Associate Professor at the Department of Church History

at the Sretensky Theological Academy

3, Building 17, Bolshaja Lubjanka str., Moscow, 115035, Russia

priest@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0812-4350>

For citation: Korytko, Oleg V., archpriest. "The Place of the Notions 'Fault' and 'Sin' in the Worldview of the Ancient Slavs (An Experience of Historical-Cultural Reconstruction of Ideas

Based on the Linguistic Data)”. *Theological Herald*, no. 3 (42), 2021, pp. 272–287. DOI: 10.31802/GB.2021.3.41.015

Abstract. The article covers the perceptual peculiarities of the categories «guilt» and «sin» in the context of the Slavs' worldview in the pre-Christian era. Linguistic reconstruction, the use of dialectal data, and the analysis of similar concepts allow us to conclude that the initial use of the lexeme «guilt» most likely had a legal interpretation and was associated with the restoring of order and compensation for the damage caused. The article identifies an archaic connection between the category of «sin» as a moral mistake and the idea of «curvature» and «blunder», which becomes clear in comparing data from the Slavic and Baltic languages, as well as in the typological analysis of similar models of meaning-transfer in several ancient languages. The author points out the presence of an archaic perception of these two categories, most important for the religious outlook, including their existence in the modern folklife. In addition, the article claims that as a result of the activity of the saint brothers Cyril and Methodius, the concepts of «sin» and «guilt», traditional for the Slavic linguistic environment, received a deeper understanding and were saturated with religious content. This fact is one of the examples that demonstrate the specifics of Russian Orthodox religiosity.

Keywords: Russian religiosity, the Slavs, sin, fault, moral values, archaic notions, religious ideas.

References

- Anikin A. E. (ed.) (2013, 2018) *Russkij etimologičeskij slovar'. Vyp. 7, 12.* [Russian Etymological Dictionary. Issue 7, 12] Moscow: Vinogradov Institute of the Russian Language at the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Beekes R. (ed.) (2010) *Etymological Dictionary of Greek.* Leiden; Boston: Brill.
- Benvenist É. (ed.) (1995) *Slovar' indoevropejskikh sošial'nykh terminov* [Dictionary of Indo-European Social Concepts]. M.: Progress — Univers (in Russian).
- Chernyh P. Ya. (ed.) (1999) *Istoriko-etimologičeskij slovar' sovremennogo russkogoazyka. T. 2* [A Historical and Etymological Dictionary of the Contemporary Russian Language. Vol. 2]. Moscow: Russkij yazyk (in Russian).
- Eliade M. (1994) *Svyashčennoe i mirskoe* [The Sacred and the Profane]. Moscow: Moscow State University Press (in Russian).
- Eliade M. (1999) *Traktat po istorii religij. T. 1* [A Treatise on Religious History. Vol. 1]. Saint Petersburg: Aleteya (in Russian).
- Fasmer M. (ed.) (1998) *Etimologičeskij slovar' russkogoazyka. T. 1* [An Etymological Dictionary of the Russian Language. Vol. 1]. Moscow: Terra (in Russian).
- Gamkrelidze T. V., Ivanov V. V. (1984) *Indoevropejskij yazyk i indoevropejtsy. Rekonstruktsiya i istoriko-tipologičeskij analiz prayazyka i protokul'tury, v 2 ch.* [The Indo-European Language and the Indo-Europeans: A Reconstruction and Historical Analysis of the Proto-Language and the Proto-Culture, in 2 Parts]. Tbilisi: University of Tbilisi (in Russian).
- Karulis K. (ed.) (1992) *Latviešu Etimoloģijas Vārdnīca* [A Dictionary of Latvian Etymology], vol. 1. Riga: Avots (in Latvian).

- Klein E. (ed.) (1987) *A Comprehensive Etymological Dictionary of the Hebrew Language for Readers of English*. Haifa: The University of Haifa.
- Kochergina V. A. (ed.) (2005) *Sanskritsko-russkij slovar' [Sanskrit-Russian Dictionary]*. Moscow: Akademicheskij proekt; Alma Mater (in Russian).
- Korytko O. (2017) *Homo religiosus: na putyah poiska istiny. Avtorskij kurs leksij po Istorii nekhristianskih religij [Homo Religiosus: on the Ways of Searching the Truth. An Author's Course of Lectures on the History of Non-Christian Religions]*. Moscow: Sretensky Monastery (in Russian).
- Losskij N. O. (1957) *Harakter russkogo naroda [The Character of the Russian People]*. Frankfurt am Main: Possev-Verlag (in Russian).
- Mallory J. P., Adams D. Q. (2006) *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World (Oxford Linguistics)*. Oxford: Oxford University Press.
- Otto R., Rutkevich A. M. (ed.) (2008) *Svyashchennoe. Ob irratsional'nom v idee bozhestvennogo i ego sootnoshenii s ratsional'nyim [The Idea of the Holy: An Inquiry Into the Non-Rational Factor in the Idea of the Divine and Its Relation to the Rational]*. Saint Petersburg: St. Petersburg University Press (in Russian).
- Pokorny J. (ed.) (1959–1969) *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. 1*. Bern; München: Francke Verlag.
- Shastri J. L. (ed.) (1950) *The Śiva Purāna. Vol. 1*. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers.
- Tolstoy N. I. (1995, 1999) *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskij slovar'. T. 1, 2 [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary. Vol. 1, 2]*. Moscow: Institute of Slavic Studies at the Russian Academy of Sciences; Mezhdunarodnye otnosheniya (in Russian).
- Toporov V. N. (1979) *Prusskij yazyk. Slovar'. T. 2 [Old Prussian Language. Dictionary. Vol. 2]*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Vereshchagin E. M. (1997) *Istoriya voznikoveniya drevnego obshcheslavyanskogo literaturnogo yazyka. Perevodcheskaya deyatel'nost' Kirilla i Mefodiya i ih uchenikov [The History of the Origin of the Ancient Proto-Slavic Standard Language. The Translation Activities of Cyril and Methodius and their disciples]*. Moscow: Martis (in Russian).
- Zaliznyak A. A. (1962) "Problemy slavyano-iranskih yazykovykh otnoshenij drevnejshego perioda" ["The Problems of the Slavic-Iranian Language Connections of the Ancient Period"]. *Voprosy slavyanskogo yazykoznaniya*, no. 6, pp. 28–47 (in Russian).